

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ В ДОГОВОРЕ БАНКОВСКОГО СЧЕТА

Иванова М. С.

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
ФГБОУВО «Тверской государственный университет»,
ул. Желябова, 33, 170100 Тверь, Россия,
ivanova.ms@tversu.ru*

Аннотация. Автор рассматривает вопрос о распределении рисков в договоре банковского счета в условиях электронного взаимодействия сторон. Объектом исследования являются правоотношения, связанные с последствиями заключения договора ненадлежащим лицом, предоставления защиты кредитной организации или клиенту банка в зависимости от распределения рисков и добросовестности. Целью работы является обоснование возможности использования принципов добросовестности, доктрины видимости в праве и теории риска в праве при урегулировании споров, связанных со списанием денежных средств со счета. С помощью общелогических методов теоретического анализа, системного анализа, формально-юридического метода и толкования исследуются вопросы распределения рисков с учетом принципов доверия и добросовестности, проводится сравнение с регулированием платежных систем. Предлагаются критерии распределения рисков.

Ключевые слова: договор; договор банковского счета; кредитный договор; принцип добросовестности, распределение рисков.

RISK ALLOCATION IN THE BANK ACCOUNT AGREEMENT

Ivanova M.

*PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law,
Faculty of Law, Tver State University,
Zhelyabova Str., 33, 170100 Tver, Russia,
ivanova.ms@tversu.ru*

Abstract. The author considers the issue of risk allocation in the bank account agreement in terms of electronic interaction between the parties. The object of the study is legal relations related to the consequences of concluding an agreement by

an improper person, providing protection to a credit institution or a bank client, depending on the distribution of risks and good faith. The purpose of the work is to substantiate the possibility of using the principles of good faith, the doctrine of visibility in law and the theory of risk in law in the settlement of disputes related to the withdrawal of funds from an account. Using general logical methods of theoretical analysis, system analysis, formal legal method and interpretation, the issues of risk allocation are investigated, taking into account the principles of trust and integrity, and a comparison is made with the regulation of payment systems. Criteria for risk allocation are proposed.

Keywords: contract; bank account agreement; loan agreement; principle of good faith, risk allocation.

Развитие информационных и цифровых технологий оказывает безусловное влияние на правовое регулирование различных сфер жизни. Для заключения договоров стороны могут не видеть друг друга в лицо, сводя общение по правовым и иным вопросам к электронной переписке, обмениваясь электронными документами и подтверждая свое волеизъявление электронными подписями. Тем не менее, удобство и оперативность таких процессов имеют оборотную сторону, связанную с возможностью различных злоупотреблений. Наиболее показательными являются споры, связанные с заключением кредитных договоров или списанием денежных средств с банковского счета, где тонкая грань между материальным правом, оценкой фактических обстоятельств и электронной средой лишь подчеркивает актуальность и необходимость четкого понимания правовых категорий.

В данном исследовании рассматривается ситуация, когда сначала кредитный договор, а после списание денежных средств заключается с использованием чужой электронной подписи, обсуждаются вопросы, права и интересы какой стороны договора подлежат защите, как распределяются риски при разной степени добросовестности сторон, рассматривается возможность сравнения рисков при несанкционированном перечислении безналичных денег с аналогичной ситуацией, но для электронных платежных средств.

В качестве примера для иллюстрации рассуждений используется определение Верховного Суда РФ от 11 апреля 2022 г. № 305-ЭС21-27249 по делу № А40-212650/2020 [1]. Дело вполне ординарное,

но при этом дает возможность на частном казусе сделать общие выводы.

Фабула дела. В 2020 г. в банк поступила заявка от ООО на заключение кредитного договора на сумму 1,5 миллиона рублей под 19,4 % годовых. Заявление подписано электронной цифровой подписью директора общества.

Банк совершил акцепт оферты общества и перечислил денежные средства на расчетный счет общества. В этот же день от имени общества были даны платежные поручения о перечислении кредитных денежных средств на счета третьих лиц.

По истечении срока кредита банк обратился с требованием к обществу о возврате кредита.

Общество возвращать денежные средства отказалось, ссылаясь на то, что оно не подавало заявку на заключение кредитного договора, это сделали неустановленные третьи лица, получив доступ к электронной цифровой подписи, о чем банк был уведомлен сразу после проведения подозрительных операций. Поскольку общество не подписывало кредитный договор, денежные средства по кредитному договору фактически не получало, то кредитный договор считается незаключенным.

Суды трех инстанций отказали в удовлетворении требований банка. Они сослались на то, что банк не подтвердил совершение спорных банковских операций непосредственно обществом. Обязанность идентифицировать плательщика и убедиться, что поручение исходит от уполномоченного лица, возлагается на банк, поскольку именно банк должен обеспечивать безопасность работы электронных систем дистанционного обслуживания.

В рассматриваемом случае суды посчитали, что меры, принятые банком, были недостаточными.

Верховный Суд РФ не согласился с решениями судов и отправил дело на новое рассмотрение. Вероятно, невыясненность фактических обстоятельств стала одним из оснований такого решения высшей судебной инстанции, но данное дело интересно не столько фактурой, а общим подходом к подобным спорам из договоров банковского счета в условиях электронных платежей и систем.

Основными правовыми проблемами в рассматриваемом казусе являются вопросы о добросовестности действий участников право-

отношений и о распределении рисков. К вопросу о том, чьи права и интересы подлежат защите, можно подходить как с доктрины видимости в праве, так и с теории риска. Исследование сути и основных понятий обозначенных теорий в предмет данной работы не входит.

Между сторонами был заключен договор банковского счета, в одном из пунктов которого содержалось условие, что банк не несет ответственности за последствия и убытки, возникшие вследствие исполнения им распоряжений о перечислении или выдаче денежных средств со счета, выданных неуполномоченными лицами, если в соответствии с установленными действующим законодательством Российской Федерации банковскими правилами и настоящим договором процедурами банк не мог установить факт выдачи распоряжения неуполномоченным лицом.

По смыслу п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 апреля 1999 г. № 5 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета» [2] банк несет ответственность за исполнение поручений, выданных неуполномоченными лицами, в том случае, если иное не установлено законом и договором.

То есть, исходя из судебного толкования, общая норма об ответственности за несанкционированный перевод денежных средств возлагается на банк, но стороны могут в договоре изменить это условие.

Согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I ч. 1 Гражданского кодекса РФ» [3] разъяснено, что оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны.

Следует отметить, что принцип добросовестности в ст. 1, 10 и 307 ГК РФ понимается в объективном смысле. То есть поведение субъекта оценивается с точки зрения честности и этических стандартов.

Насколько такое договорное решение, выбранное сторонами, справедливо, полагаем, следует рассмотреть через категорию риска. Согласно методу политико-правового регулирования риск возлагается на того, в чьей зоне влияния находится этот риск. Например, в договоре подряда риск случайной гибели вещи лежит на подрядчике, поскольку у него больше влияния на нее в силу непосредственного взаимодействия.

В случае с договором банковского счета сложно было бы возложить риски на заемщика, клиента банка и обязывать его отвечать за безопасность расчетов со стороны банка, поскольку создание целостной системы безопасности платежей и расчетов полностью находится в сфере влияния банка. Более того, надежность и безопасность расчетов являются критериями привлекательности банка для заемщиков. Верховный Суд справедливо указывает, что дистанционное предоставление банковских услуг, в том числе в рамках обслуживания банковского счета клиента, заключение с ним дополнительных договоров основывается на возможностях обмена электронными документами между различными участниками хозяйственного оборота.

Банк несет перед клиентом ответственность за последствия исполнения поручений, выданных неуполномоченными лицами, так как на нем лежит обязанность по обеспечению безопасности работы электронных систем дистанционного обслуживания от проникновения третьих лиц; банк должен определить достаточность надежности работы системы при приеме, передаче, обработке и хранении информации, а также защите информации [1].

Для сравнения обратимся к ст. 9 ФЗ «О национальной платежной системе», где регламентирован порядок платежей и действий оператора на случай проверки несанкционированных действий. Этим законом предусмотрено, что в случае утраты электронного средства платежа и (или) его использования без согласия клиента клиент обязан направить соответствующее уведомление оператору по переводу денежных средств в предумыш-

тренной договором форме незамедлительно после обнаружения факта утраты электронного средства платежа. При получении от клиента – юридического лица такого уведомления после осуществления списания денежных средств с банковского счета клиента оператор по переводу денежных средств, обслуживающий плательщика, обязан незамедлительно направить оператору по переводу денежных средств, обслуживающему получателя средств, уведомление о приостановлении зачисления денежных средств на банковский счет получателя средств.

Полагаем, что правовое положение клиентов банка по договору банковского счета и клиентов платежных систем не может быть кардинально разным. Поскольку целью правового регулирования является минимизация рисков участников при осуществлении расчетов независимо от того являются ли предметом электронные деньги, электронные средства платежа или безналичные денежные средства, так как их суть одна – платежная. Следовательно, в вопросах распределения рисков необходимо единство, то есть возложение их на банк.

Тут следует сделать оговорку, что решение с распределением рисков при виновных или неправомерных действиях заемщика, клиента может быть иным, однако в исследуемом казусе судами не было установлено неправомерного поведения со стороны заемщика, и предполагается, что было вмешательство третьих лиц.

Предоставление защиты банку или клиенту в подобных случаях несанкционированного списания можно рассматривать и с точки зрения доктрины видимости в праве. Если бы третье лицо воспользовалось не электронной подписью, а имело бы место подделка подписи, повлияло бы это на распределение рисков? Что меняется, когда подпись электронная? Банк никогда достоверно не знает, кто в реальности выступает со стороны клиента при заключении договора онлайн, или кто выдает поручения на распоряжение деньгами со счета. Поэтому несправедливо бы было возлагать на него риски во всех случаях.

В обороте нередки ситуации, когда представления субъектов о действительности и то, как есть на самом деле, противоречат друг другу. Не всегда право предоставляет защиту той стороне, которая полагается на видимые обстоятельства. Как правило, в целях

стабильности оборота и с учетом принципа доверия защита предоставляется именно исходя из видимых, обычно воспринимаемых условий, а не из объективно существующей реальности. Критерием защиты в такой ситуации выступает добросовестность (защита добросовестного приобретателя, добросовестного залогодержателя и др.).

Одновременно с добросовестностью работает и принцип доверия в праве. Одним из компонентов доверия является знание как некая предсказуемость поведения другой стороны и представление самого субъекта о том, достаточно ли он знает партнера, а также насколько субъект способен прогнозировать свое поведение в ситуации неопределенности. То есть банк основывает свое дистанционное взаимодействие с клиентом на основе доверия с учетом имеющихся идентификаторов клиента и надежности систем безопасности платежных инструментов, за которые сам же и отвечает. Банк полагается на видимость полномочий клиента, считая ее реальной.

Меняется ли позиция о распределении рисков, если банк был добросовестным, проверил полномочия, и оснований сомневаться в их подлинности не имелось?

Вероятно, в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств ответ будет зависеть не только от добросовестности, но и от объективности видимости, а также действий самого заемщика или владельца счета, который не должен способствовать несанкционированному доступу к средствам электронной идентификации. То есть при наличии в поведении заемщика действий, которые привели к умышленному или по грубой небрежности получению доступа третьих лиц к его платежной информации (передача паролей, цифровых подписей, оставление в местах общего доступа и пр.), риски несанкционированных платежей с банка могут переходить на заемщика, владельца счета.

Еще одним аспектом, в том числе связанным с распределением рисков и заключением, например, кредитного договора или распоряжением деньгами с банковского счета при помощи электронной подписи общества, но не обществом, и последующим списанием со счета этих денежных средств, является вопрос о фактическом выгодоприобретателе. Если возлагать риск несанкционированного

списания на заемщика, владельца счета, то получается следующее. Третье лицо, притворяясь обществом, получает деньги от банка, который не уполномочен собственником на такое отчуждение. Общество, так как имелось несанкционированное действие третьих лиц, не давало банку распоряжения о списании полученного кредита. Статья 302 ГК РФ вроде бы дает защиту приобретателю, и согласно п. 3 деньги не могут быть истребованы, а недобросовестность получателя придется доказывать. Такое положение вряд ли можно считать справедливым, что еще раз подтверждает тезис о нецелесообразности возложения рисков на клиента банка.

Подводя итог рассуждениям о рисках в договоре банковского счета в условиях дистанционного обслуживания клиента следует отметить, что вероятность наступления гражданско-правовой ответственности в виде убытков или получение судебной защиты от взыскания таких убытков связано не только с фактическими обстоятельствами и их оценкой, но и применением к правоотношениям принципов доверия, справедливости, доктрины видимости в праве и учетом целей законодательного регулирования платежных систем и электронных денежных средств.

Список использованных источников

1. Определение Верховного Суда РФ по делу № А40-212650/2020, 11 апр. 2022 г., № 305-ЭС21-27249 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-31052022-n-305-es21-27249-po-delu-n-a40-2126502020>. – Дата доступа: 06.01.2024.

2. О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета : постановление Пленума ВАС РФ, 19 апр. 1999 г., № 5 // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Российской Федерации. Специальное приложение. – 2005. – № 12.

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 23 июня 2015 г., № 25. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/files/14913>. – Дата доступа: 06.01.2024.